Следующие две строки (которыми и заканчивается «Деревня») вовсе не обязательно связаны с Александром I:

И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Это была обычная декабристская фразеология. Так, Н. И. Тургенев, набрасывая проект создания журнального общества, писал, что оно «в начале своего существования покажет зарю прекрасного дня!» [45].

И если крепостничество не падет «по манию царя», то «прекрасная заря» наступит в результате деятельности либералистов...

Пушкин требует уничтожения крепостничества как системы. Крепостное право для него (как и для Тургенева, как и для Радищева в «Путешествии») — рабство: « Р а б с т в о, падшее по манию царя». И в других местах: «Р а б с т в о тощее», «Дворовые толпы измученных р а б о в» (разрядка всюду моя.— *В. П.*). Трудно сказать, читал ли Пушкин книгу Грибовского [46]. Но тургеневскую критику взглядов Грибовского поэт знал, как и точку зрения Радищева (считавшего крепостных рабами). И так же, как Тургенев и Радищев (писавший, что крестьянин «в законе мертв»). Пушкин, объективно полемизируя с Грибовским, доказывал, что крепостные крестьяне — жертвы беззакония, насилия:

Здесь Барство дикое, без чувства, *без закона*,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца
(курсив мой.—*В. П.*).

Вслед за Тургеневым Пушкин обличает прежде всего барщину:

Склонясь на *чуждый плуг*, покорствуя бичам,
Здесь Рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца (курсив мой.—*В. П.*).

Однако в отличие от Тургенева Пушкин отнюдь не призывает к переводу на оброк [47].

В отличие от тургеневской «Записки» стихотворение Пушкина не адресовалось властям. Возможно даже, что оно с самого начала предназначалось для распространения в рукописи. Поэтому менее стесненный, чем Тургенев, Пушкин высказывает многие мысли, которые «русский Мирабо» в официальной записке высказать не мог.

Небезынтересно отметить, что «Деревня» перекликается со многими дневниковыми записями Н. И. Тургенева. Возможно, они были известны Пушкину. Так, вслед за дневниковыми сентенциями Тургенева и вслед

---

[45] Дневники Н. И. Тургенева, т. III, с. 181.

[46] Хотя его лично, вероятно, знал. Грибовский, как и Пушкин, намечался Тургеневым в члены-учредители «журнального общества».

[47] Позже, во второй главе «Евгения Онегина» (строфа IV) с явной иронией писалось:

Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил,
За то в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед.

Об ироническом характере этих строк см.: Г у к о в с к и й Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.